

Глава II

ОБРАЗЫ МИРА

В этом разделе речь пойдет об отражающей стороне жизни бамбара, о том, как они видят мир, себя в нем, что они думают о нем, в соответствии с чем они организуют свою жизнь. Поскольку исследование построено преимущественно на собственной информации, то должны стать понятнее и угол постановки проблем, и характер интерпретации фактов. Это видится справедливым, поскольку по мировоззренческим особенностям бамбара существует обширная литература, но в своей массе она констатирует или перебирает факты, не особо задаваясь вопросами метода сбора, оперирования этими фактами и проверки их достоверности.

Сама по себе система отражения чрезвычайно сложна для понимания и в первую очередь из-за практической невозможности совпадения «кодов действительности» и «кодов восприятия». Возможны только более или менее достоверные интерпретации. Тем более что в процессе познания/отражения (познания отраженного) происходит «интерпретация интерпретированного».

Именно здесь остро встает проблема источников информации, обстоятельств и процедур исследования, соотношения «текстов» и «контекстов» наблюдаемых фактов. Осложняющим обстоятельством выступает то, что отражение происходит прежде всего в форме ощущений, переходящих в образы. Сами же образы могут сохранять форму совокупности ощущений, психологических реакций на них, не выходящих за рамки ощущений. Но они же могут приобретать и другие формы, особенно в процессе воспроизведения или реакции на источник отражающей деятельности. Ощущения и образы могут быть обонятельными, осязательными, гравитационными и т.п., но в первую очередь звуковыми и зрительными. Равно и реакция на них, воспроизведение (как действие, направленное на идентификацию адекватности отраженного) могут приобретать различные формы, включая зрительно или акустическое восприятие образов, а также процедуры

реконструкции этих образов — описания, в частности описания речевые, хотя они же могут быть и зрительными, и объемно ощущаемыми. Таково, например, «отражение» в горном массиве Мандинга, в частности в районе деревни Каласа или деревни Гема (округ Сиби), где ландшафт с необычайной игрой естественных объемов задает рамки жизненного процесса и мироощущения.

Вот почему для «текстуализации», перевода образа в текст так полезны, например, навыки рисования или фотографирования. Это перевод многомерного образа в исчислимый, выстроенный по некоторой логике «поток». Именно так формируется текст. Именно так строится речь, передается информация.

Таким естественно сложившимся способом текстуализации жизни, передачи информации является язык. Именно этот разговорный инструмент общения (традиций письменности у бамбара фактически нет) выступает для меня главным критерием адекватности в сочетании с фиксированными многолетним опытом прямого взаимодействия совпадениями и несовпадениями «отражений» различного плана и содержания.

Собственно, это как раз методологическое требование ленинградской школы африканистики, восходящее к классической востоковедной историко-филологической науке: знание языка изучаемых культур и народов. Причем «язык» в общепринятом нами словопотреблении в связи с филологией и лингвистикой, пожалуй, главная относительно достоверно верифицируемая знаковая система, связанная с отражением и являющаяся информационным потоком, равно как и определенным диалогом «субъекта» и «реальности». Здесь либо есть совпадение кодов (диалог возможен), либо его нет.

Общие черты — особая историческая миссия бамбара

Как уже не раз подчеркивалось, бамбара — типичный земледельческий этнос зоны саванн. Рефлексирующая составляющая в совокупности проявлений этничности едва ли не является решающей. Это качественно важный момент самосознания, когда «общность в себе» становится «общностью для себя». Сколь ни важно единство языка, культуры, происхождения, только пройдя через осознание этого самими вовлеченными в отношения людьми, оно становится фактором целеположенных нормативных действенных форм организации и поведения людей. У бамбара это происходит довольно поздно по сравне-